

сателю, возможно, представлялись другими в объеме книги, и срок завершения работы над ней. Таким образом, приведенные выше строки редакционного объявления несомненно должны быть учтены в творческой истории «Записок из Мертвого дома».

И. А. БИТЮГОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И Р. Р. ШТРАНДМАН

Опубликованное 14 января 1874 г. в № 2 «Гражданина» обозрение «Из текущей жизни» состоит из четырех главков. Первую из них, самую большую и представляющую художественно построенное и композиционно завершенное целое — очерк о Родиоше Ш., В. В. Виноградов приписал Достоевскому, высказав попутно предположение о принадлежности писателю и всех трех других заметок.

Очерк о Родиоше — полемический отклик на повесть В. П. Буренина («Маститого беллетриста») «Недавняя история», печатание которой началось в № 353 «С.-Петербургских ведомостей», от 23 декабря 1873 г. В повести Буренина в фельетонно-сатирических тонах рисуется образ опустившегося и спившегося, живущего на содержании дочери Жана Провиантова, который, сочетая фантастическую ложь с действительностью, рассказывает о своей молодости, о 1848 году, когда «вспыхнул вулкан революции». Он же в это время «был поглощен другим вулканом», «затоплен по горло иною лавой — вулканом любви огнедышащей Цицилии», которая вдохновила его на создание полубезумно-романтической поэмы «Пелликан на развалинах мира». О конце Провиантова говорилось в продолжении повести, появившемся в № 358 «С.-Петербургских ведомостей», от 28 декабря 1873 г.: он в пьяном виде падает из окна третьего этажа и разбивается. Подчеркивая важность для Достоевского проблемы людей «сороковых годов» и приводя свидетельства о его интересе в 70-е годы к Буренину, Виноградов доказывал принадлежность Достоевскому очерка о Родиоше на основе анализа его стиля.¹

В очерке фигурируют два персонажа: главный герой очерка Родиоша Ш. и «давний знакомый» повествователя, «причисляющий себя с некоторой гордостью к „людям сороковых годов“». Как удалось установить, прототипом Ш. является Роман Романович Штрандман (1822—1869?),² петрашевец, один из состави-

¹ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 573—611.

² До сих пор дата рождения Штрандмана указывалась приблизительно — 1823 г., уточнена она исследователями биографии Шевченко (1 октября 1822 г.); дата смерти в литературе о петрашевцах не указывалась, но дана под вопросом в академическом собрании сочинений Белицкого и в «Шевченковском словнике» (Шевченківський словник, т. II, Київ, 1977).

телей («Карманного словаря иностранных слов...» (ч. I, 1855), привлекавшийся к расследованию, но «не подвергшийся выяснению», критик и обозреватель, печатавшийся анонимно в конце 40-х годов, начиная с 1847 г., в «Современнике» и «Отечественных записках», а возможно и в других менее значительных изданиях,³ умерший в нищете и безвестности.

О том, что за Родиошей Ш. скрывается Штрандман, свидетельствует совпадение «краткой биографии» Родиоши, приведенной в очерке, с реальной биографией его прототипа. Родиоша родился «на берегах Невы», поступил в университет, но «протянул» только два курса и уехал на юг, в Малороссию, в качестве домашнего секретаря и компаньона большого барина. Пробыв там года два, он вернулся в Петербург, занялся писательством, «прыгнув к одному из тогдашних молодых литературных кружков». Некоторое время он печатал «небольшие, но живые библиографические статейки», но «случайное распадение кружка сбilo его и с этой дороги»; через какое-то время он «скрылся из Петербурга, кажется в Москву», а через несколько лет снова появился. Штрандман, родившийся в Петербурге, учился в Петербургском университете вместе с В. Н. Майковым, но не окончил его по болезни и уехал вместе с князем В. М. Репниным, помещиком Полтавской губернии, в его имение Яготино как домашний учитель его дочери (здесь в 1843 г. со Штрандманом познакомился Т. Г. Шевченко⁴). Вернувшись в Петербург, он занял место письмоводителя II отделения Вольного экономического общества, а затем и IV отделения. Штрандман был известен среди петрашевцев и в кругу Белицкого; тогда же он начал публиковаться (в очерке оба кружка слиты в один, а в словах о «случайном» его распадении скрыт намек на процесс петрашевцев). В середине —

³ Установлено, что Штрандманом написаны ряд разделов «Современных заметок» для «Современника» за 1847 г. — в № 3 раздел I, в № 4 заметка «По поводу статьи „О средствах к уменьшению преступлений“», в № 10 раздел II (см.: Боград В. Журнал «Современник», 1847—1866. Л., 1959, с. 62, 64, 77, 480, 485), а также «Внутренние известия» в № 3 «Отечественных записок» 1847 г. (см.: Румешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1959, с. 383). В некоторых работах, начиная с В. И. Семевского, в списке статей Штрандмана ошибочно фигурируют «Внутренние известия» из № 3 «Отечественных записок» за 1848 г. Причина путаницы — в описке Ф. В. Булгарина, который в «Записке о цензуре и коммунизме в России», приложенной к его письму Л. В. Дубельту от 6 марта 1848 г., назвал Штрандмана автором «Внутреннего обозрения» за 1848 г., однако фразу, подтверждающую это, привел из статьи 1847 г. (см.: Голос минувшего, 1913, № 3, с. 228). При этом Булгарин обозначил приведенную им дату из статьи как «заключительные слова», хотя они стоят почти в самом начале статьи. Из более поздних работ Штрандмана известна только статья «Лирический поэзия последователей Пушкина» (об Н. М. Языкове) в № 2 «Московского обозрения» за 1859 г., также анонимная.

⁴ В 1847 г. на следствии по делу Кирилло-Мисфодиевского братства Шевченко допрашивали о знакомстве его со Штрандманом (см.: Шевченківський словник, т. II, с. 392—393).

конце 50-х годов он уезжал в Москву и вновь возвратился.⁵ Таким образом, биография Р. Р. Штрайдмана воспроизведена в очерке довольно точно.

Ряд моментов из биографической канвы жизни Штрайдмана мог быть известен Достоевскому. В 1845—1846 гг. Штрайдман был посетителем пятниц Петрашевского. Иногда собрания кружка происходили у самого Штрайдмана. Многие из петрашевцев знали его и как одного из вкладчиков, способствовавших устройству коллективной библиотеки (совещание о ее организации состоялось на квартире у Штрайдмана).⁶ Правда, в начале 1847 г., когда у Петрашевского начал бывать Достоевский, Штрайдман, В. А. Милютин, В. В. Стасов, М. Е. Салтыков-Щедрин сгруппировались вокруг В. Н. Майкова, образовав особый кружок. Однако Достоевский мог слышать о Штрайдмане, и в частности о его связях с петрашевцами, как от прежних участников пятниц, так и от В. Н. Майкова, через которого Достоевский, скорей всего, и познакомился с прототипом очерка и имел возможность узнать об обстоятельствах его жизни. Штрайдман был приятелем В. П. Майкова еще с университетских лет, вместе с ним в 1844—1845 гг. работал над первой частью «Карманного словаря...» (В. Н. Майков был и главным составителем, и редактором). По свидетельству Салтыкова-Щедрина в повести «Брусин», где изображен майковский кружок с прозрачным буквенным обозначением некоторых имен, в 1847 г. члены этого кружка виделись очень часто, бывая друг у друга несколько раз в неделю, и знали все о каждом с «изумительной подробностью».⁷ В эту пору со Штрайдманом в семье Майковых, по-видимому, встречался и Достоевский. Так, в письме к А. У. Порецкому от января 1847 г. Достоевский писал, что он был у Майковых, когда были получены и «сообщены» ему пришедшие одна за другой две записки от Штрайдмана о билетах на итальянскую оперу (бенефис с участием Д. Борси); он извещал своего адресата, что на них всех записали общую ложу (II, I, 105). Упоминание о совместном посещении итальянской оперы тем более интересно, что в очерке аналогичное событие играет важную роль в обрисовке образа

⁵ См. о Штрайдмане: Дело петрашевцев, т. I. М.—Л., 1937, с. 181; Петрашевцы. Сб. материалов под ред. П. Е. Щеголева, т. III. М.—Л., 1923, с. 361; Семевский В. И. М. В. Бутапович-Петрашевский и петрашевцы, ч. I. М., 1922, с. 64; Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XIII. М., 1959, с. 767; Тургенев и круг «Современника». М.—Л., 1930, с. 15—16; Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. М., 1949 (по указателю); Воспоминания К. Н. Бестужева-Рюмина... СПб., 1900, с. 56 (здесь, как и в книге В. И. Семевского, есть данные, подтверждающие авторство Штрайдмана по отношению к статье об Языкове в «Московском обозрении»).

⁶ Салтыкову-Щедрину был послан следственной комиссией письменный запрос о присутствии его на этом совещании, на который он дал отрицательный ответ; однако показания Штрайдмана и других участников подтверждали этот факт (см.: Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография, с. 166, 272—273).

⁷ См.: Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография, с. 183.

Родиоши и подано как драматизированная сценка, несущая на себе след живых впечатлений.

Как сотрудник «Отечественных записок» и «Современника» Штрайдман фигурирует в письмах 1847 г. И. И. Панаева к Тургеневу и Белинскому к В. П. Боткину.⁸ Из-за его статьи в начале 1847 г. возник даже особый спор у А. В. Никитенко, бывшего тогда официальным редактором «Современника», с издателями журнала, которые первоначально единодушно были «сильно» возмущены исключением статьи Штрайдмана, а потом согласились с доводами Никитенко.⁹ Достоевский, близкий к кругу Белинского и знавший лиц, с ним связанных, внимательно следил за обоими журналами, а порой был и заранее осведомлен, что в них будет опубликовано.¹⁰ Таким образом, он мог читать «небольшие, но живые» статьи Штрайдмана.

Позднее Штрайдман был привлечен к участию в журнале «Время» как переводчик. Ему принадлежит напечатанный в № 2 «Времени» за 1861 г. перевод «Процесса Ласенра».¹¹ В «Записных тетрадах» Достоевского среди заметок 1862 г. перечислены лица, которым необходимо «написать»; в списке этом значится и Штрайдман.¹²

Так как критико-публицистическая деятельность Штрайдмана не получила специального освещения, остановимся вкратце на ней, отметив те моменты, которые могли привлечь к ним интерес и сочувствие Достоевского.

Все три написанных Штрайдманом раздела «Современных заметок» в мартовской, апрельской и октябрьской книгах «Современника» 1847 г. посвящены вопросам общественно-экономической и культурной жизни России, которые решаются с позиций гуманно мыслящего, прогрессивно настроенного человека. Уделяя большую часть первого обзора теме тяжелого положения бедняков, Штрайдман проводит мысль о необходимости не индивидуальной, зачастую сентиментально-показной филантропии, а составления плана разумной организации благотворительных учреждений, положительные зачатки которой он видит в московском и петербургском «человеколюбивых» обществах, приюте для служанок, организованном в Петербурге, воскресных классах в Иванове. Приведем далее сведения о выставке «сельских произведений» в с. Боголюбове, о добыче золота на Урале и в Сибири, о численности и положении мещанского сословия в Москве,

⁸ См.: Тургенев и круг «Современника». М.—Л., 1930, с. 12; Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XII, с. 357.

⁹ Никитенко А. В. Дневник, т. I. Л., 1955, с. 301—302.

¹⁰ Так, например, в письме М. М. Достоевскому от 17 декабря 1846 г. Достоевский сообщил еще до выхода в свет первого номера некрасовского «Современника» о том, что журнал этот «выступает блистательно» и что у него «уже завязалась перестрелка» с «Отечественными записками».

¹¹ См.: Панаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». М., 1972, с. 112.

¹² Литературное наследство, т. 83. М., 1971, с. 155.

Штрандман возвращается к разговору «об улучшении участи бедных и малых мира сего» и завершает свою часть «заметок» сравнением трех появившихся в печати различных мнений о взаимоотношениях между крестьянами и управляющим. Первым двум, одно из которых, как показано в обзоре, является завуалированным (под видом прославления «добрых качеств» русского народа и призыва заслужить его любовь и уважение) утверждением целесообразности применения решительных мер для пресечения в самом начале будто бы случайных «беспокойств», а другое — открытым выражением патриархально-крепостнических воззрений (одобрительное восприятие типа управляющего, умеющего пользоваться нагайкой и в то же время тепшить помещика сказками о Бове и Еруслане), противопоставляется ответ третьего автора, выступающего за исчезновение нагайки и самого понятия о ней вместе с «прелестью» упомянутых «чуждых рассказов» как пути от «самопроизвольного» к подлинно «законному управлению», основанному на нравственном начале. Сам Штрандман, устранившись от участия в этом споре, отмечает, что о «подобных вопросах нужно говорить или много, или не говорить ничего», и тем самым подчеркивает серьезность и сложность крестьянского вопроса в России.

Во втором принадлежащем Штрандману разделе апрельских «Современных заметок» дается информация о деятельности различных ученых обществ (Географического, Минералогического, Археолого-пумизматического). Особо выделяя как главную функцию этих учреждений связь между наукой и общественной жизнью, Штрандман сообщает о принятии решений об издании для широкого читателя «Географического ежегодника», систематическом выпуске статистических сведений о России, подготовке словаря географической терминологии, об экспедициях на Урал и в Сибирь и об изучении этнографического типа, быта и языка местных народностей, о состоянии геологических наук в стране и т. п. Из отчета ректора Петербургского университета извлекаются сведения о количестве обучающейся молодежи и трехгодичном путешествии профессора университета Диттеля по Востоку с заездом в прежде недоступный Курдистан. Рецензия «По поводу статьи „О средствах к уменьшению преступлений“» в составе октябрьских «Современных заметок», подписанная «Р. Ш.», направлена против абстрактности подхода к решению вопроса о мерах искоренения правонарушений, в частности лишь провозглашения, а не конкретного рассмотрения роли труда, переселения, надзора, обеспечения, просвещения, этического воспитания в исправлении преступников. Разделяя мысль о необходимости ознакомления с уголовными законами широких слоев населения, убеждение в том, что «право, неизвестное народом, для которого оно написано, — мертво», Штрандман, однако, и тут раскрывает противоречие этим взглядам положения автора статьи, выпадающего в отвлеченные красноречивые рассуждения об «образовании сердца» в «согласном» семейном кругу, на который «государство

обязано иметь влияние». Затронутые Штрандманом экономический, крестьянский и юридический вопросы обсуждались и в кругах петрашевцев; волновали они также в ту пору и Достоевского (см.: 18, 142—143, 145, 146, 148, 162, 178).

Статьи Штрандмана могли оставить след в памяти писателя и своей живой и непринужденной формой. Характерен, например, зачин апрельского обзора, открывающегося остроумной насмешкой над распространенными в русском интеллигентном обществе выражениями «утешительный факт» и «отрадное явление», которые порой раздаются по поводу того, что «Лева вскрылась, запретила продавать корюшку, Иван Иванович решительно и печатно объявил, что он на праздниках не будет рассылать карточек...» и т. п. В качестве иллюстрации подобных публикаций приводится столь же иронично воспроизведенное, в ложно-патетических тонах, газетное объявление с выражением благодарности «градоначальнику» за посещение «тенистого сада», а на самом деле жалких деревьев, из «Мертвых душ» Гоголя, о тонком понимании юмора которого Родионом III. упоминалось в очерке. Эта реальная деталь психологического портрета Родиоши гармонирует с высокой оценкой гоголевского юмора самим Достоевским, который также часто обращался к нему в собственной публицистике и прозе. Так, например, в главе «По поводу выставки» из «Дневника писателя» за 1873 г. Достоевский пишет о юморе Гоголя как о проявлении одной из характерных черт национального своеобразия великого художника, глубоко ощущаемой соотечественниками и вместе с тем трудной для воспроизведения в переводах на иностранные языки (см.: 21, 68—69).

Во «Внутренних известиях» мартовской книги «Отечественных записок» 1847 г. Штрандман воссоздает картину оживления периодической печати, открытия или обновления ряда газет и журналов, проникновения их в «толпу», возникновения направлений, борьбы, а «следовательно, жизни». В ходе этого критического обзора трижды упоминается Достоевский. Один раз используется ссылка на эпизод с Голядкиным, внезапно вспомнившим свою пелюккую острогу и покрасневшим, для сравнения с ним состояния «остряка», изощряющегося в пустых насмешках над самим фактом активизации печатных органов.¹³ Характеризуя введенный в «С.-Петербургских ведомостях» отдел «фельетона» как «болтовню порядочного светского человека» и выслушивая отрицательный отзыв в нем о ранних произведениях Достоевского, Штрандман пишет: «... из всех явлений литературы 1846 года, не без основания назвав по имени одного г. Достоевского, он (автор отзыва, — И. Б.) в „Двойнике“ и „Прохарчипе“ видит только утомительность и скуку и утверждает, что только самые прилежные читатели, и то по обязанности, прочли эти повести до конца. Впрочем, вообще фельетон этот так мило ветреп, что смешно бы было навязывать ему какую-нибудь ответственность в суждениях

¹³ Отечественные записки, 1847, № 3, отд. VIII, с. 74.

о предметах серьезных».¹⁴ Третье упоминание встречается в абзаце, типичном для Штрайдмана по своему образно-разговорному стилю и содержащем в связи с известием о возобновлении «Сына отечества» близкие к Белинскому высказывания о назначении журналистики: «„Сын отечества“!.. Помним, что у нашего отечества был такой „Сын“, но вдруг он исчез, ступил в могилу, как говорит Достоевский, — умер или пропал без вести — не знаем. Теперь опять появился... Но это не тот, это другой. Видно, бог дал поворожденному, — здравствуй, малютка! Осмотрели мы „Сына“ тщательно. Оказалось, что ничего! ребенок как ребенок. Из любви к отечеству, конечно, мы желали бы (<...> его детям больше даров небесных; но мало ли какие желанья может внушить любовь!.. „Сын“ пока занимается сказочками и басенками, — пускай! это хорошо! Басни изощряют ум. Это, разумеется, шалость, но шалость не вредная... Вот когда „Сын“ возмужает в интеллектуальном-то отношении, разовьется, когда окружающие предметы перестанут быть для него безразличными, — тогда он будет смотреть на вещи иначе, не увлекаясь ничем — ни предрассудками, ни преубеждениями; тогда он сам откажется от своих басенок, обратится к басням И. А. Крылова и из житейской мудрости увидит ясно, что закон разумной общественной жизни повелевает вникать в ее потребности, в настоящий порядок дел, действовать согласно этим потребностям, этому порядку».¹⁵ Молодого Достоевского вряд ли могли оставить равнодушным эти неоднократные признания его писательского авторитета, защита его творчества от критических нападков.

От литературы в своих мартовских «Внутренних известиях» Штрайдман переходит к перекликающимся неоднократно с предыдущими в том же месяце «Современными заметками» сообщениям об организованных при поместье Буромка Полтавской губернии больнице, детском приюте, начальной, рисовальной и ремесленной школах, о статье в «Московских ведомостях» с предложением учреждения в России высших сельскохозяйственных курсов для дворянского сословия, в эффективности которых высказывается сомнение (ввиду того, что разумное ведение хозяйства «возможно только при рациональных отношениях основных элементов всякого богатства, то есть труда и капитала»), и о спорах по вопросу о функциях управляющего в деревне (с привлечением тех же противоречащих друг другу мнений), о выставке сельских произведений в Богодубове, о лекциях Шевырева о Гомере, Данте и Шекспире, графа де Сюзора о французской литературе (отрицательное суждение), Рюо о французской «легкой поэзии» XVIII в. (пропикновение в «историю», «сознание современных идей», «способность передавать дух времени немногими резкими чертами»), о соответствующих потребности «внести интересы науки в массу» собраниях Русского Географического обще-

¹⁴ Там же, с. 75.

¹⁵ Там же, с. 82.

ства по поводу издания «Географического ежегодника» и Минералогического общества с докладом С. Куторги о путешествии по С.-Петербургской губернии, об открытом в Новороссийске училище для детей горцев, о действиях «Общества посещения бедных», способного проникнуть более глубоко, чем частные лица, «к самому корню зол». Интересно отметить, что мартовские «известия» Штрайдмана находят соответствие в фельетоне «Петербургской летописи» Достоевского от 1 июня 1847 г., в обобщенной оценке тех же событий общественной и литературной жизни (появление новых имен, журналов и изданий, в том числе и охарактеризованных Штрайдманом иллюстраций Е. Бернадского и А. Агина к «Мертвым душам» и сборника карикатур М. Неваховича «Ералаш», отношение к деятельности благотворительных и ученых обществ; см.: 18, 28).

Сообщение в обзоре Штрайдмана о смерти Н. М. Языкова, современника и товарища Пушкина, «звездочки из потухшего созвездия», с кратким упоминанием о достоинствах и недостатках его поэзии, получит развитие в последней известной статье Штрайдмана 1859 г. «Лирическая поэзия последователей Пушкина». В этой статье Штрайдман рассматривает поэзию Языкова в тесной связи с основными периодами его биографии и духовной эволюции, видит в том и другом характерное отражение состояния русского общества в послепушкинскую эпоху. Основные критерии его совпадают с эстетическими принципами Белинского, отзыв которого о ранней «музе» Языкова, прикидывающейся «вакханкою», приводится в статье. Сравнивая его юношескую «дерптскую» любовную лирику со стихами Кольцова, Лермонтова и Некрасова, Штрайдман оттеняет отвлеченность, холодность эротизма Языкова, его нравственный индифферентизм. Наивысший взлет его поэзии критик видит в стихах о природе, написанных в Тригорском, в общении с Пушкиным. Выделяя среди стихотворений последующих периодов отдельные грациозные элегии, напрашивающиеся на музыку, или такие удачи, как «Утро», «Послание к Девису Давыдову», «Послание к К. К. Павловой» (первое, из Италии), «Морское купание», а также менее художественные по форме, но замечательные по идее, по высоколирическому полету мысли стихотворения «Молитва», «Гений», «К музе», Штрайдман говорит об упадке таланта Языкова, о преобладании в его поэзии поздних лет риторизма, славянофильских тенденций. Достоевскому, очевидно, эта статья осталась неизвестной, так как он в пору ее опубликования в «Московском обозрении» находился еще в Семипалатинске, но он мог знать другие написанные Штрайдманом в конце 40-х годов анонимные «библиографические» заметки и рецензии, исходящие из тех же эстетических установок (об интентивных «библиографических» занятиях Штрайдмана в молодости сохранилось — кроме упоминания в очерке о Родиоше — и его собственное эпистолярное свидетельство).

Второй персонаж очерка о Родиоше — ощущающий себя человеком 40-х годов, «давнишний знакомый» автора, навестивший

последнего на рождественских праздниках. Рассказывая о Родиоше и напомнив о своем обычае хранить все «приятельские письма и даже записочки», он говорит, что сберег и несколько посланий своего умершего сверстника, и, достав из кармана два из них, читает их вслух. Сохранившиеся в архиве Пушкинского Дома письма Р. Р. Штрайдмана к А. Н. Майкову (ИРЛИ, № 16981) проясняют, что «знакомый» автора очерка — А. Н. Майков. Рассказчик сообщает, что корреспонденция его с Родиошей длилась «года четыре». И действительно, письма Р. Р. Штрайдмана к А. Н. Майкову охватывают 1865—самое начало 1869 г. (их шесть). Как и характеризуются они в очерке, писаны они «все на одну и ту же болезненно-тяжелую тему»: крайняя нужда, голод, голод, безуспешные большей частью поиски работы и еще более безнадежные попытки намочаться, скитания, болезнь, просьбы о минимальной помощи. Сооставление писем с очерком свидетельствует о том, что автор его не только на слух был знаком с этими письмами, но и внимательно в них вчитался, воспроизведя по образцу их два типовых письма Родиоши, передавая характерные особенности писем Штрайдмана — сообщения о невзгодах, общие заключения о бедности в сочетании с крылатыми историко-литературными образами или французскими изречениями, свидетельствующими о его культуре и душевном изяществе. Автор очерка соответствующим образом оформляет и просьбу Родиоши: «Le pain est cher et la misère est grande,¹⁶ — знаю, но такой недостаток в хлебе, такую бедность, как у меня, — вряд ли встретите. В полном уповании, что на эти, с страшной душевной болью написанные строки не последует энергичного ответа: „Бог пошлет“, остаюсь и проч.» (ср., например, окончание записки Штрайдмана к А. Н. Майкову от 11 января 1867 г.: «Во всему этому прими во внимание совершенную голодуху; как ни живуч я, а теперь меня ветер качает. Умоляю тебя, многодостойный Аполлон Николаевич, облегчи мое всячески мучительное положение посильным подаянием. Пестерпимо больно!»).

Наибольший интерес для нас представляет очень длинное (на 6 листах) шестое письмо Штрайдмана А. Н. Майкову, от 9 февраля 1869 г., написанное, вероятно, незадолго до смерти слабоющим почерком, с многочисленными перечеркиваниями и вставками.¹⁷ В нем рассказывается о событиях более чем полугодовой давности: о временной работе у А. П. Милюкова, о пребывании в больнице Марии Магдалины, бесчеловечный главный врач которой распорядился о переводе его за город, а фактически о выписке его из больницы, раздетым на мороз, о потере по дороге из больницы аттестата чиновника, как бы представляющего вид на жительство, и поселении в какой-то гладильной в доме раскольника

¹⁶ Хлеб дорог, а пицета велика (франц.).

¹⁷ В письме перечеркнут ряд горьких подробностей: видимо, Штрайдман собирался его переписать, но отослал письмо А. Н. Майкову в таком виде, не в силах этого сделать (он сообщал, что пишет его 8 часов).

Протопопова, который его обирал, воровал еду, заменял потребные ему на день « $\frac{1}{4}$ фунта» свежего хлеба черствой «глиною», о переговорах по поводу устройства его в качестве переписчика бумаг (в том числе и иностранных) в Обществе страхования от огня, о новой болезни и водворении в Обуховскую больницу со столь же жестокими правами и о предположении смерти.

По мотивам этого письма создано второе письмо Родиоши, отправленное из дома, населенного такими же бедняками, откуда он боится выйти без верхней одежды, чтобы тащиться в одну, другую, третью больницу, с упоминанием даже « $\frac{1}{3}$ фунта хлеба», на который «издержана последняя копейка»; с письмом этим перекликаются концовка рассказа о его судьбе и ряд сквозных образов, проходящих через весь очерк. Так, признание Родиоши: «Я, видите ли, живу в столярной под верстаком... т. е. мне там позволено ночевать», — восходит к тому месту письма Штрайдмана, где он сравнивает комнату в доме раскольника, в которой ему отведено место и в которой по 7 раз в день накалывают утюги, с «кузницей», и сообщает, что он спит в ней на полу (при очень низкой в остальное время дня и ночи температуре). Попытка устройства в Обществе страхования от огня, когда его «придели» и какой-то старичок-пенсонер Общества привел его с рекомендацией, а он, договорившись уже о работе, на обратном пути в большом «летнем сапожке», который «вихлял» на ноге, «сковырнулся» на мраморной лестнице, получает вариационное развитие в эпизоде, где Родиошу, попавшего в полицию без рубашки, лишь прикрытым пальто, участковый рекомендует на работу к книгопродавцу-издателю. Полученная от наденной болезни — контузия реберного костяка (в письме Родиоши — «опухоль»), в соединении со старой болезнью и замерзанием явившаяся причиной повторного попадания в больницу, указывается в обобщенном виде и в очерке о Родиоше: «из-под верстака переселился он, одержимый каким-то воспалением, в знакомую уже ему больницу, а из нее — прямо на кладбище...»¹⁸

Таким образом, пришедший к автору очерка его «давнишний знакомый» А. Н. Майков явно предоставил ему письма Штрайдмана.

Протесно-фантастическому буренинскому развешанию человека 40-х годов в очерке противостоит иное решение вопроса о типах людей того времени, более близкое, как отметил уже В. В. Випоградов, Достоевскому.

Наиболее сложен вопрос об атрибуции очерка. Автором его могли быть и Ф. М. Достоевский, и А. У. Порецкий — оба сотрудники «Гражданина» в 1873—1874 гг., друзья молодости А. Н. Майкова и Р. Р. Штрайдмана. Оставляя этот сложный вопрос в данной

¹⁸ В архиве ИРЛИ сохранились также письмо Р. Р. Штрайдмана к А. Н. Майкову от 1 августа 1868 г. (ИРЛИ, № 8892) и письмо его, вероятно той же поры, к Н. А. Некрасову (см.: Литературное наследство, т. 51—52. М., 1949, с. 549).

заметке открытым (доводы В. В. Виноградова в пользу авторства Достоевского могут быть дополнены рядом других аргументов, которые будут изложены нами в комментарии к очерку о Родионе в отделе «Dubia» Полного собрания сочинений Достоевского, однако, по мнению редакции, они не решают вопроса до конца), мы преследовали в ней иную задачу: привлечь внимание к фигуре одного из забытых русских литераторов, сотрудника «Современника», «Отечественных записок» и «Времени», образ которого продолжал жить в памяти его друзей — Достоевского, Майкова и Порецкого — в 1870-х годах.

И. П. ПРОЖОГИН

ДОСТОЕВСКИЙ ВО ФЛОРЕНЦИИ В 1868—1869 гг.

В четвертом томе издания «Достоевский. Материалы и исследования» опубликован автограф Достоевского, свидетельствующий о том, что, находясь во Флоренции в 1862 г., писатель посещал «Научно-литературный кабинет Дж. П. Вьёссё».¹

Однако в этой существующей и ныне библиотеке, с читальным залом при ней, сохранился не один, опубликованный в названном томе, а три автографа Достоевского. Я обнаружил их несколько лет назад в архиве «Кабинета Вьёссё», как обычно сокращенно называют в Италии эту библиотеку.

Но вначале остановимся на том, что представляет собой сам «Кабинет Вьёссё», сыгравший заметную роль в новой истории Италии. Вернемся и к первому из трех автографов Достоевского — это позволит уточнить и дополнить уже опубликованные о нем сведения.

Основатель флорентийской библиотеки Джованни Пьетро Вьёссё (Омелья, ныне — Империя, 29 сентября 1779 — Флоренция, 28 апреля 1863) родился в семье эмигранта из Женевы. Однако сам Дж. П. Вьёссё считал себя итальянцем. В первые годы своей самостоятельной жизни он занимался торговлей, по коммерческим делам посетил многие страны, в том числе и Россию, о которой оставил еще не опубликованные записки.² Не получив систематического образования, будучи самоучкой, он проявлял живой интерес как к общественным и естественным наукам, так и к литературе, и уже в молодости собрал библиотеку, состоящую из книг на различных европейских языках.

В 1819 г. Дж. П. Вьёссё обосновывается во Флоренции — в то время столице великого герцогства Тосканского. Очевидно, его привлекла туда относительная политическая терпимость режима этого небольшого итальянского государства, что в период рестав-

¹ См.: Достоевский. Материалы и исследования, т. 4. Л., 1980, с. 174—175.

² См.: Vieusseux e il «Vieusseux», Catalogo delle Mostre. Firenze, 1979, p. 14.

рации, последовавшей за крушением наполеоновской империи, и Священного союза было в Европе довольно редким явлением. Уже в следующем году он открывает там «Научно-литературный кабинет», носивший с самого начала его имя, а впоследствии приступает и к изданию журналов, из которых наиболее важную роль в развитии общественно-политической мысли в Италии сыграли «Антологика» («Антология») и «Архивно-сторики» («Исторический архив»). Позже Антонио Грамши отмечал, что Вьёссё сумел создать вокруг себя «центр интеллектуальной пропаганды по организации и „кондепсаци“ руководящей интеллектуальной группы буржуазии Рисорджименто».³

Вьёссё придавал своей культурно-просветительской деятельности совершенно необычную для Италии того времени форму. Будучи представителем нового класса буржуазии, чуждый духу придворного материализма, не имевший ничего общего с меценатством в традиционном смысле этого понятия, он и во Флоренции, сохранявшей еще многие черты феодализма, вел свои дела на знакомой и близкой ему по духу коммерческой основе. Так, Вьёссё выплачивал гонорары авторам издававшихся им журналов, но и взимал плату за пользование библиотекой.⁴ Понимая, какую выгоду может принести привлечение к числу читателей последней многочисленных иностранцев, приезжавших, а часто и подолгу живших во Флоренции, он стал выписывать из разных стран, включая Россию, книги и периодические издания (до пятидесяти названий газет и журналов).

Возможность получить в «Кабинете Вьёссё» русские газеты и должна была привлечь Достоевского, который во время своих заграничных путешествий часто жаловался на отсутствие «газетных известий с родины».⁵

В настоящее время «Кабинет Вьёссё» размещается на нижнем этаже знаменитого дворца эпохи Возрождения — палаццо Строцци. Сохраняя первоначальную функцию, он превратился теперь и в своего рода культурно-исторический памятник — библиотеку с подбором литературы, характерной для периода борьбы за объединение Италии и становления единого итальянского государства. На его стеллажах имеются, в частности, полные комплекты ряда русских журналов второй половины XIX — начала XX в.

Большой интерес представляет составленная сотрудниками «Кабинета Вьёссё» картотека имен наиболее известных лиц, как итальянских, так и иностранных, пользовавшихся услугами библиотеки за более чем столетидесятилетнюю историю ее существования и оставивших записи в регистрах. С этой картотеккой меня познакомил служащий библиотеки Маурицио Босси, любезно

³ Gramsci Antonio. Quaderni del carcere, vol. II. Torino, 1975, p. 812.

⁴ См.: Spadolini G. Vieusseux a Firenze — impresario di cultura (a 200 anni della nascita). — La Stampa, 1979, 18 novembre.

⁵ См.: Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1981, с. 193.